

Хотелось бы обратить внимание на глубокий профессионализм антарктических дневников Оскара Григорьевича и интерес к выполняемым исследованиям. У отца даже иногда возникали конфликтные ситуации с партийным руководством экспедиции, потому что для него было важно обеспечить все наблюдения на открываемых станциях, а для руководства – засвидетельствовать присутствие СССР во внутриконтинентальных районах Антарктиды.

Всю жизнь меня мучил вопрос, как они погибали. Судя по отчету 5-й экспедиции, который я прочитала в архиве ААНИИ, отец погиб быстро от раскаленных газов, сразу же, как только открыл в коридор дверь своей комнаты. То же пишет в своей книге и участник этой экспедиции Гилберт Дюарт. Отца разбудил телефонный звонок инженера электростанции Мирного, который заметил, что в электрораспределительной системе произошел сбой в рабочем и спальном доме метеоотряда. Отец ответил, что в его комнате света нет и пошел проверить, почему пахнет дымом, после чего успел сказать только одно слово – «горим». Конечно, люди вряд ли могли выбраться из горящего дома, занесенного по крышу снегом. Насколько я понимаю, погибли они от ядовитых газов. Я знаю, что дома в Мирном, да и на других советских станциях, в то время строились с применением утеплителя из пенопласта, а пенопласт при горении выделяет яд. Строители обязаны были об этом знать, обязаны были знать, какие они используют материалы и как они себя ведут в разных условиях. Но об этом никто не задумывался! Техника безопасности практически отсутствовала! Я пишу об этом в 2023 году, мне уже 86 лет. Боль трагедии присутствует со мной всю жизнь.

Хочу также обратить внимание читателей сайта «Память Антарктиды» на книгу Гилберта Дюарта «Антарктические товарищи. Американец с русскими в Антарктиде». Она была издана в Америке в 1989 году в Университете Штата Огайо после окончания холодной войны между США и СССР. Ее автор – американский сейсмолог, зимовавший в Антарктиде на советской станции Мирный вовремя 5-й Советской Антарктической экспедиции 1959-1961гг. в рамках обмена научными специалистами между СССР и США. Книга посвящена этой экспедиции, людям, с которыми работал автор, проблемам, стоявшими перед исследователями Антарктиды в то время.

К сожалению, я узнала об этой книге только в 2012 г., получив ее в подарок от американского геолога д-ра Алана К. Купера, т. е. больше, чем через 20 лет, после издания книги. Д-р Купер приезжал с группой коллег в

Санкт-Петербург. Он известен не только как ученый, но также и как музыкант, организовавший музыкальное трио (скрипка, бас-гитара, аккордеон). Этот ансамбль подготовил и исполнил программу «Музыка Антарктики» в Смитсоновском институте в Вашингтоне на праздновании, посвященном 50-й годовщине подписания исторического Договора об Антарктике. Инструментально были исполнены песни антарктических экспедиций разных стран в разные годы изучения ледяного континента. На этом концерте прозвучали также песни моего отца, написанные во время его работы в составе 2-й и 5-й Советских антарктических экспедиций. Д-р Купер был очарован песнями Кричака и взволнован его трагической судьбой.

Автор книги, посвятивший этой трагедии специальную главу, написал о ней как о самом страшном несчастье в истории антарктических экспедиций. Я начала знакомство с книгой с этой главы. В значительной мере она посвящена моему отцу. И хотя о нем к тому времени уже были написаны замечательные слова многими авторами, слова д-ра Дюарта особенно тронули меня, наиболее точно выразив, как мне кажется, сущность Оскара Кричака. Возникло желание поделиться этим с моими друзьями и коллегами, перевести книгу на русский язык и издать ее в России. Занявшись переводом, я увидела, что книга гораздо шире. Автор с большой симпатией пишет о многих соратниках по экспедиции, отдавая должное их профессионализму и высоким моральным качествам. Это рассказ об отважных людях, преданных своему делу, духу товарищества, работавших с риском для жизни в невероятно трудных условиях. Многих из ее участников уже нет с нами. Книга Дюарта – дань памяти об этих людях. Книга в моем переводе была опубликована в России в издательстве ГеоГраф в 2019 году. Здесь уместно привести полностью главу 8 (Трагедия) – ее английский текст, а также русский в моем переводе.

Кричак Мая Оскаровна

Tragedy

Down the wintry road and dreary

Flies the troika, swift, alone,

And forever tinks its weary

Tiny bell, in monotone.

- *Alexander Pushkin*

The Antarctic has been the scene of many tragic events in its brief but active history. In the early days of geographical discovery, men died of exhaustion and exposure as the exploring parties struggled on foot across the merciless wastes. Such was the fate of Captain Scott and his companions. In more recent times death has often come more quickly in the many aircraft and vehicle accidents and fires that have taken a heavy toll. The worst single disaster in the history of Antarctic expeditions occurred on August 3, 1960, at Mirnyy Station, when eight members of the meteorological section perished in a conflagration that destroyed their quarters during the worst storm of the year. This terrible event cast a pall of sadness over the remainder of our stay in Antarctica.

At 5.45 A.M., when it was deep night outside, the operating engineer on duty at the central power station noticed that there had been a failure in the electrical distribution system somewhere on the sprawling base. He was able to trace the disturbance to Building Eight, the working and sleeping quarters of most of personnel of the of the meteorological section, and he telephoned the aerographer on night duty in the building but received no reply. Then he called the section chief, Oskar Krichak, who had a telephone by his bed, and woke him up. Oskar, speaking very calmly, as was his wont, confirmed that electric light in his room was out; after a brief delay he said, again very calmly, that he smelled smoke. Something was burning, and he would investigate and come right back. Then the phone went dead. The engineer at the power station quickly called his supervisor, Yagodkin, who rushed out in the howling darkness toward Building Eight, accompanied by geological section chief Solovyev.

Yagodkin and Solovyev fought their way over mountainous snow drifts through 120 MPH gusts of wind to the meteorology building, which was on the outskirts of the base. Its roof was covered by a layer of snow six feet thick, but flames were coming out of the personnel hatch and through ominous cracks in the snow. Dense clouds of smoke were billowing from the balloon release tower, which was connected to the main building by a 120-foot tunnel. None of the residents could be seen. Unable to enter the under-snow complex the two men stumbled back and turned in the general fire alarm at the nearest

building.

The whole base quickly turned out to fight the blaze with tractors, fire extinguishers, shovels, and anything else that was available. The hastily organized fire brigades tried to pour snow and water on the flames, but the ferocious wind, which knocked men off their feet and kept the inferno under forced draft, made the task insurmountable, and the fire remained out of control for hours. When I first arrived and was handed a shovel, I assumed that the inhabitants of the building had made their escape, and I wondered that none of them were to be seen in the crowd that was fighting the fire. I rushed up to frantically shoveling friend and asked, "Were are Krichak and the others?"

He looked at me grimly and simply pointed downwards. It took a moment for me to grasp the enormity of it.

"All of them?"

"Yes, all."

By noon the wind and fire had subsided enough for us to start searching for the bodies of the victims. I volunteered for this grim task along with a few other members of the airborne unit. It took us several days of digging and sifting through the ash-strewn snow, charred, fallen timbers, and wind-scattered debris before we could find all the remains and remove them. The men never had a chance. We found Oskar lying on his back in front of what had once been a heavy wooden door separating his private room from the main hall of the house. Apparently he had been overcome by a blast of flame as soon as he had opened the door to investigate, only a few seconds after putting down the phone. Probably by that time it had already been too late to save any of the occupants. Oldrich Kostka and several of the others had enough time to crawl under their bunks, but they had suffocated there. The last man to be found was the tall, powerfully built Igor Popov, who had dashed through the flames to reach the tunnel that led to the balloon release tower. His terribly burned body was found seventy-five feet down the tunnel. Because of the almost total destruction, the cause of the fire was never determined. The electrical breakdown was probably an effect, rather than the cause, but the sequence of events in Building Eight that Wednesday morning is still a mystery.

Besides Oskar Krichak, five other Russian meteorologists and aerologists had been in Building Eight: Anatoli Belolikov, Vasili Samushkov, Alexander Smirnov, Alexei Dergach, and Igor Popov. Kostka of Czechoslovakia and Hans-Christian Popp of the German Democratic Republic also lost their lives. All were exemplary men, possessed of that special spirit of comradeship and self-denial that makes an expedition really work.

Doctor Skeib was at Druzhba Weather Station on the West Ice Shelf at the time, and he was not told the fate of his compatriot until he returned to Mirnyy. Ironically, his return had been delayed by the same blizzard that lashed the base that tragic morning. Had he arrived on schedule, he would have relieved Popp and been in the meteorology building in his place at the time of the fire. Although word of the disaster soon spread around the Antarctic, no information was given out officially until the next of kin were notified.

It was decided that our comrades would be buried in Antarctica. In part, I think that this was because of the adverse psychological effect such a cargo would have on us the long voyage back. A

simple, impressive funeral service was held on August 24, and the entire company of the base marched behind the slowly moving sledge bearing the bodies to our cemetery on a small island north of Mirnyy. Messages of condolence came in from all over the world. A monument was later erected at the grave site, but a more fitting memorial to the explorers was established by giving the names of the deceased to geographical features in Antarctica: mountains, glaciers, and capes. The base remained in an official state of mourning and an emotional state of shock for a long time. The flag was flown at half-staff, there were no more boisterous parties, no jazz or any other cheerful music was played over the P.A. system for a while. The meteorological program had to be continued to the best expedition's ability, of course, and the few surviving members of the section were assisted by volunteers from other disciplines.

I felt the loss of Oskar Krichak especially deeply. Music was our first common ground, and Oskar showed the most intense interest, both critical and emotional, in my jazz records. Indeed, I don't think he would have objected to having jazz played, New Orleans style, at his funeral. The *Oklahoma* album that he had received from Gordon Cartwright inspired him the thought of composing a similar musical about a Russian rural community, perhaps working in some of his hilarious adventures on a manned weather balloon flight that he once made across southern Russia and the Ukraine, to the amazement of the farming folk along the way. It would have been a marvelous contribution to musical comedy.

Oskar was deeply moved by early blues pieces. He had some trouble understanding the words that Bessie Smith was singing, but that great voice cut across years and borders and languages to reach his warm and open heart. Even in the scratchy recordings from the good old days of Dixieland, he could detect and appreciate the beautiful tones of Bix Beiderbecke and the virtuosity of Louis Armstrong.

Our relationship went far beyond shared tastes in music. Oskar was very frank and open in the many conversations that we had, and I learned a great deal about many subjects from this wise and liberal man. He was fundamentally an optimistic person – indeed, a joyful one. Large in stature and girth, with a thick black moustache that did not deceive, and he was always bubbling with puns and jokes. In fact, he was one of the few people I have ever known who was witty enough to make the same pun funny in two languages. He had an excellent, if quaint, command of English. But he was very serious about his music and his science. Oskar was extremely generous, especially with those most precious gifts, his knowledge and his time. He was always willing to help out with any of my problems, describing the ins and outs of the system, interceding for me whenever necessary, facilitating my projects in any way he could. I think his basic motives were very simple. He sincerely liked and enjoyed people, he drew no distinctions of nationality, and he very deeply desired peace for his country and the world.

Т Р А Г Е Д И Я

По дороге зимней скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Александр Пушкин

Антарктика была местом многих трагических событий за ее короткую, но активную историю. На начальном этапе географических открытий люди умирали от истощения и незащищенности, пробиваясь пешком безжалостными пустынными маршрутами. Такова была судьба капитана Скотта и его спутников. В последнее время смерть чаще происходит в авиационных катастрофах, транспортных происшествиях и при пожарах, которые приводят к серьезным потерям. Самое страшное несчастье в истории антарктических экспедиций произошло 3 августа 1960 года на станции Мирный, когда восемь человек из метеорологического отряда погибли в результате большого пожара, разрушившего их жилище во время сильнейшего урагана года. Это страшное событие окрасило скорбью весь оставшийся период нашего пребывания в Антарктиде.

В 5:45, когда была еще глубокая ночь, дежурный инженер на центральной электростанции заметил, что в электрораспределительной системе где-то на станции произошел сбой. Он заметил повреждение в восьмом здании, рабочем и спальном доме большей части личного состава метеорологического отряда, и позвонил дежурному аэрологу, но не получил ответа. Тогда он позвонил начальнику отряда Оскару Кричаку, у которого телефон был у кровати, и разбудил его. Оскар, говоря очень спокойно, как всегда, подтвердил, что электрического света в его комнате нет; через некоторое время он сказал, снова очень спокойно, что пахнет дымом, что-то горит, и он пойдет выяснить и вернется. Затем телефон замолчал. Инженер на электростанции быстро позвонил своему начальнику Ягодкину, который побежал в кромешной темноте в сторону восьмого дома в сопровождении начальника геологического отдела Соловьева.

Ягодкин и Соловьев при порывах ветра в 120 миль/час (≥ 50 м/сек) добирались по высоким снежным сугробам в южном направлении до здания метеорологов, которое находилось на окраине станции. Его крыша была покрыта слоем снега толщиной в шесть футов, но из люка и сквозь зловещие трещины на снегу вырывалось пламя. Плотные облака дыма поднимались от башни для выпуска радиозондов, которая была соединена с главным зданием 120-футовым (36.57м) туннелем. Никого из живущих в доме не было видно. Не сумев войти в подснежный комплекс, они оба повернули назад и включили общую пожарную сигнализацию в ближайшем здании. Вся станция быстро собралась для борьбы с огнем с помощью тракторов, огнетушителей, лопат и всего, что было доступно. Спешно организованные пожарные бригады пытались заливать пламя водой со снегом, но свирепый ветер, сбивавший людей с ног и раздувавший языки пламени, делал задачу невыполнимой; пожар продолжался в течение нескольких часов.

Когда прибыл я, и мне была выдана лопата, я предположил, что жители здания выбрались, и удивился, что никого из них нет в толпе, которая сражалась с огнем. Я бросился к отчаянно работавшему товарищу: «Где Кричак и остальные?». Он мрачно посмотрел на меня и просто указал вниз. Мне потребовалось время, чтобы понять масштаб ситуации.

"Они там все?"

"Да, все".

К полудню ветер и огонь улеглись, и мы начали искать тела жертв. Я вызвался на это тяжелое дело вместе с небольшой группой из авиационного отряда. Нам потребовалось несколько дней, чтобы раскопать снег, найти среди пепла, мусора и упавших бревен, все останки и вынести их. У людей не было никакого шанса. Мы нашли Оскара лежащим на спине перед тем, что когда-то было тяжелой деревянной дверью, отделявшей его личную комнату от главного коридора дома. По-видимому, он был сбит с ног пламенем или раскаленными газами, как только открыл свою дверь, всего через несколько секунд после того, как положил телефонную трубку.

Вероятно, к этому времени уже было слишком поздно спасать кого-либо из обитателей. У Олдржика Костки и некоторых других было время, чтобы заползти под кровати, но они там задохнулись. Последним нашли высокого, мощно сложенного Игоря Попова, бросившегося сквозь пламя, чтобы добраться до туннеля, который вел к башне для выпуска радиозондов. Его ужасно обгоревшее тело было найдено в семидесяти пяти футах (22.86 м) по туннелю. Из-за почти полного разрушения причина пожара не была установлена. Электрическое повреждение, вероятно, было следствием, а не причиной, но последовательность событий в восьмом здании в среду утром до сих пор остается загадкой.

Кроме Оскара Кричака, еще пять российских метеорологов и аэрологов находились в восьмом доме: Анатолий Белоликов, Василий Самушков, Александр Смирнов, Алексей Дергач, Игорь Попов; погибли также Костка из Чехословакии и Ганс-Христиан Попп из Германской Демократической Республики. Все были образцовыми людьми, обладавшими особым духом товарищества и самопожертвования, который необходим для успеха экспедиции.

В то время доктор Скайб находился на метеостанции Дружба на Западном ледниковом шельфе, и ему не сообщили о судьбе его соотечественника, пока он не вернулся в Мирный. По иронии судьбы, его возвращение было отложено из-за той же метели, которая бушевала на станции в то трагическое утро. Если бы он прибыл по

графику, он сменил бы Поппа и был в здании метеорологов на его месте во время пожара. Несмотря на то, что вскоре в Антарктике распространилось известие о трагедии, информация не была официально опубликована до тех пор, пока ее не передали ближайшим родственникам. Было решено, что наши товарищи будут похоронены в Антарктиде. Я думаю, что отчасти это было связано с неблагоприятным психологическим воздействием такого груза на нас во время долгого возвращения из экспедиции.

Скромные, впечатляющие похороны были проведены 24 августа, все зимовщики станции пошли за медленно движущимися саними с телами погибших к нашему кладбищу на небольшом острове к северу от Мирного. Сообщения с соболезнованиями пришли со всего мира. Позже на месте захоронения был поставлен монумент, но более подходящий памятник исследователям заключался в присвоении их имен географическим объектам в Антарктиде: горам, ледникам и мысам. Станция оставалась в официальном состоянии траура и эмоционального шока в течение длительного времени. Флаг был приспущен, не было больше ни шумных вечеринок, ни джаза, и вообще никакой веселой музыки по ретрансляционной системе оповещения. Метеорологическая программа продолжалась, разумеется, в меру возможностей экспедиции; немногим оставшимся в живых членам отряда помогали добровольцы других специальностей.

Особенно глубоко я ощущал потерю Оскара Кричака. Основой нашего взаимного притяжения сначала была музыка. Оскар проявлял живой интерес, критический и эмоциональный, к моим джазовым записям. Я не думаю, что он бы возражал против того, чтобы на его похоронах играл джаз в стиле Нового Орлеана. Альбом «Оклахома», который он получил от Гордона Картрайта, вдохновил его на мысль о сочинении подобного мюзикла из жизни русской деревни, возможно, включая различные веселые приключения во время метеорологического полета на пилотируемом аэростате, который он когда-то совершил над югом России и Украиной к изумлению сельского народа по пути. Это была бы замечательная музыкальная комедия.

Оскар был по-настоящему увлечен ранним блюзом. У него были некоторые проблемы с пониманием слов, которые пела Бесси Смит, но этот великий голос, минуя годы, границы и языки, доходил до его горячего и открытого сердца. Даже в заезженных записях из старых добрых дней Диксиленда* он мог заметить и оценить прекрасное звучание Байдербека** и виртуозность Луи Армстронга.***

Наши взаимоотношения выходили далеко за рамки общих музыкальных вкусов. Оскар был очень откровенен и искренен во всех разговорах, которые у нас были, и я многому научился от этого мудрого и либерального человека. Он был в высшей степени оптимистичным человеком - действительно жизнерадостным.

*Диксиленд (англ. *Dixieland*) — название джазовых ансамблей, состоящих преимущественно из белых исполнителей, подражающих традиционным темнокожим джазовым коллективам и играющих джаз в новоорлеанском стиле. В буквальном переводе с английского языка слово «Диксиленд» означает: «страна Дикси», где Дикси — разговорное обозначение Юга США.

** Бикс Байдербек - американский джазовый трубач, первый белокожий солист джаза, ставший музыкальной звездой первой величины.

***Трубач, корнетист, вокалист Луи Армстронг - одна из самых значимых фигур джаза.

Большого роста и плотного сложения, с густыми черными усами и искрящимися глазами, Оскар, бурля остротами и шутками, выглядел общительным доброжелательным человеком, каким он и был. У него было превосходное, несколько старомодное владение английским языком. Фактически это один из немногих известных мне людей, который был настолько остроумным, что его шутки звучали забавно на обоих языках. Но он был чрезвычайно серьезен по отношению к своей музыке и своей науке. Оскар щедро делился своими талантами, знаниями и временем. Он готов был помочь в решении любых моих проблем, анализируя «за» и «против», ходатайствуя за меня в случае необходимости, так или иначе, насколько возможно облегчая мои задачи. Я думаю, что его основные мотивы были очень просты. Он искренне любил людей и радовался общению с ними, для него не было различий в национальности, и он очень хотел мирной жизни для своей страны и всего мира.